

УДК 82(09) (574)

Р.А. Досмаханова*, К.О. Ажиев

Кызылординский государственный университет имени Коркыт Ата,
Республика Казахстан, г. Кызылорда

*E-mail: dosmakhanova@mail.ru

**Тема Арала в романах А. Нурпеисова «Последний долг»
и С. Жубатырулы «Абыржы»**

Статья посвящена рассмотрению романов А. Нурпеисова «Последний долг» и С. Жубатырулы «Абыржы», в которых затрагивается одна из ключевых в экологической литературе тема Арала. Авторы статьи утверждают, что главный герой романа А. Нурпеисова «Последний долг» является носителем экологического сознания. Писатель-эколог С. Жубатырулы так же, как и А. Нурпеисов, раскрывает трагедию Арала через драму отдельной личности. Экологическая катастрофа прослеживается в романе «Абыржы» в масштабе «потока сознания» героя. Писатель исследует проблему высыхания Арала не столько в линейном, сколько в «вертикальном» плане. Глубинные мыслительные процессы в сознании и подсознании героя связаны с темой смерти «Арала-отца».

Ключевые слова: экологическая проблема, экологический роман, экологическое сознание, трагедия Арала, «поток сознания».

R.A. Dosmakhanova, K.O. Azhiev

Aral Sea in two novels**(«Last Duty» by A. Nurpeisov and «Abyrzhly» by S. Zhubatyryuly)**

The article comprises analysis of two novels («Last Duty» by A. Nurpeisov and «Abyrzhly» by S. Zhubatyryuly) addressing the Aral Sea issue which is one of the key problems in ecological literature. The authors state that the protagonist of «Last Duty» is at the same time the medium representing ecological idea in his consciousness. On the other hand, S. Zhubatyryuly, who is writer and ecologist at the same time, also represents the Aral tragedy towards the personal drama of his character. Environmental disaster in «Abyrzhly» is shown in course of protagonist's stream of consciousness. S. Zhubatyryuly investigates the Aral tragedy rather on its «vertical» axis than on the linear one. Complicated mental processes in protagonist's sub-consciousness are presupposed by Aral problem.

Key words: ecological issue, ecology novel, ecology association, Aral tragedy, «stream of consciousness».

Р.А. Досмаханова, Қ.Ө. Әжиев

Ә. Нұрпейісовтың «Соңғы парыз» және**С. Жұбатырұлының «Абыржы» романдарындағы Арал қасіреті**

Мақалада Ә. Нұрпейісовтың «Соңғы парыз» және С. Жұбатырұлының «Абыржы» романдарындағы экологиялық әдебиеттің негізгі мәселелерінің бірі Арал қасіреті қарастырылады. Авторлардың пайымдауынша, Ә. Нұрпейісов романының басты кейіпкері экологиялық сана иесі. Эколог-жазушы С. Жұбатырұлы да Ә. Нұрпейісов сияқты Арал қасіретін жеке тұлғаның трагедиясы арқылы суреттейді. Экологиялық апат кейіпкердің сана ағымы көлемінде зерделенеді. Жазушы Аралдың тартылуын «вертикалды» түрде қарастырады. Кейіпкердің санасымен бейсанасындағы ой ағымы «Арал өкенің» өлімімен байланысты.

Түйін сөздер: экология мәселесі, экологиялық роман, экологиялық сана, Арал қасіреті, «сана ағымы».

Введение

С 60-х годов XX века в литературе нарастают трагические мотивы в освещении темы «Человек и природа». Экологическая проблематика становится для писателей объектом художественного осмысления. Известно, что одной из ключевых в экологической литературе является тема Арала. Особенность произведений на экологическую тему заключается, прежде всего, в том, что главный герой является носителем экологического сознания. С этой точки зрения заслуживает особого рассмотрения роман «Последний долг» А. Нурпеисова, в котором «за бедою безымянного рыбацкого посёлка на Арале грозно мерцает беда всемирная – экологическая катастрофа» [1, с.273]. В первой книге дилогии «И был день» только один герой – Жадигер. Во второй книге «И была ночь» количество действующих лиц увеличивается до трёх: появляются Азим и Бакизат. Такая расстановка персонажей выбрана писателем не случайно. В первой книге герой отдаляется от людей и в ситуации одиночества предаётся глубоким размышлениям. Авторское повествование о «высоком тёмноликом человеке» постепенно переходит в форму внутреннего монолога героя. Но это не традиционная исповедь от первого лица. Скорее всего, это обращённый к себе «ты-монолог» (В.Е.Хализев). Речь персонажа строится во втором лице. Уединённый рассказ героя самому себе о себе исподволь раскрывает его невесёлые думы о прожитой жизни, о мире, о времени.

Основная часть

Находясь в течение дня на замёрзшем льду, Жадигер перебирает в памяти своё прошлое и с горечью осознаёт, что не удалось семейное счастье с Бакизат. После тринадцати лет совместной жизни она решила уйти к Азиму, не подумав о судьбе двоих детей. Жадигер не ограничивается горькими думами о своей личной беде. Он пытается разобраться как в себе, так и вокруг себя: «Совсем ещё недавно и в тебе, и вокруг тебя всё было по-другому. А теперь?» [2, с.14] Несмотря на то, что «небо не обрушилось, земля не развёрзлась, всё так же светит солнце. И люди пребывают в здравии и в покое» [2, с.14], с ним «что-то случилось» и его «земляков как бы подменили». Герой с горечью осознаёт, что всё это связано с обмелением Арала. Не случайным образом образ моря является ключевым для воспоми-

наний Жадигера. Размышления героя о своей не сложившейся судьбе постоянно переплетаются с горькими думами о высыхающем море. Он воспринимает трагедию Арала как свою личную. Поэтому вся прожитая жизнь восстанавливается в памяти в двух временных измерениях: когда был полноводным Арал, и когда обмелело море. Счастливые страницы жизни описываются на фоне полноводного моря, когда процветал рыболовецкий промысел. Печальные эпизоды прошлого связаны с высыхающим Аралом. Ощущается тесная связь между биографией героя и его земляков с историей моря, общность их судеб. Поэтому мысли о семейных неурядицах и о быте родного аула перемежаются с размышлениями об «умирающем море».

Размышляя о трагедии Арала, герой поднимается от невесёлого рыбацкого быта к бытию человека. Тревожные думы Жадигера о судьбе моря касаются нравственного аспекта проблемы. Герой глубоко осознаёт, что наряду с обмелением Арала идёт процесс обмеления людских душ. Такова концепция и самого писателя: «В наше время экологию природы невозможно отделить от экологии национального духа и бытия» [3, с.324] В романе есть ситуация, когда Жадигер обнаруживает в машине потрёпанный, перепачканный жирными мазутными пятнами священный «Коран». Шофёр без тени смущения объясняет, что тяготы жизни вынуждают его промышлять «божьим делом». Жадигер с болью задумывается о том, что «с тех пор как море стало мелеть, лишая рыбацьи аулы их исконного промысла, стали мельчать душой и люди» [2, с.27]. Когда-то отец Жадигера, скрываясь от таких атеистов, как Сары Шая, в ранние утренние часы совершал молитву и приобщался к богу. Сейчас же многие земляки Жадигера превратили это святое дело в промысел. Прошлое и настоящее в мыслях Жадигера отражают изменения, произошедшие в сознании жителей Приаралья: сместились нравственные понятия, изменились этические нормы.

Герой тревожится о завтрашнем дне. Это выражается через горькие думы о больных детях, которые рождаются в Приаралье. Думая о своих неполноценных детях (умственно недоразвитом сыне и дочери, у которой не достаёт трёх пальцев на левой руке), Жадигер сокрушается обо всех «безногих, безруких детишках как лягушата», подвергшихся болезням ещё в чреве матери. У героя «переворачивалось сердце», когда он видел десятилетнего мальчика, который погрязал в

недетские думы о своих больных сверстниках. Образ рано повзрослевшего ребёнка, снедаемого взрослой печалью, создаёт целостную картину народного горя. Обречённость потомков, являющихся будущим нации, воспринимается Жадигером как «страшное зло страшной эпохи». Мысли героя выходят за пределы Приаралья. Он размышляет о Семипалатинском полигоне, о космодроме Байконур, об испытаниях ядерных бомб и ракет на равнинах полуострова Мангистау и горах Актобе, среди барханов Уральских и Ордынских песков. Герой с горечью осознаёт, что его страна превращена в полигон. Последствие такой ситуации – рождение ущербных детей. Больное потомство – это всенародное горе, означающее, что нет у нации будущего.

Герой наедине с собой пытается найти ответы на неразрешимые вопросы. Кто виноват в гибели моря? Чем обернётся эта трагедия завтра? По мнению героя, Арал вчера был «старым добрым кормильцем-морем». Зимой и летом он питался двумя могучими реками. И люди тогда «были словно одержимые и не ведали усталости», «удача преображала, поднимала их вольный дух». Теперь всё изменилось: «Вода не вода, а яд. Да и само море еле живо. Какой уже год из двух некогда великих рек в иные годы в него попадают лишь жалкие капли» [2, с.128]. Кто в этой беде виноват? Здесь герой останавливается на социально-политическом аспекте сложившейся ситуации: «Когда, в какие времена власть считалась с волей народа? Правители великой империи заставили течь могучие воды некогда неукротимой реки вспять в гибельные пески Каракумов» [2, с.128].

Жадигер живёт в тревоге о завтрашнем дне: «Что суждено увидеть твоим потомкам через одно-два поколения, если уже и тебе выпала скорбная участь видеть начало его (моря – Д.Р.) агонии?» [2, с.106] Тяжёлые думы об участи моря наталкивают героя на мысли о конце света: «Если за столь короткий срок в подлунном мире обмелело море и где-то ещё усохло и усыхает столько озёр и рек, скудеет земля, отравлен воздух, то, может быть, в самом деле недолго осталось до самого конца света?» [2, с.106] Для героя экологическая катастрофа – это предвестие о конце света. Ощущение приближающегося конца света не покидает Жадигера. Он неоднократно вспоминает народное изречение, которое когда-то, перебирая струны домбры, повторял отец: «Жизнь к концу как старая овчина, изодранная псами» [2, с.349].

Таким образом, философия «конца» относится не только к расстроеному семейному быту и внезапно оборвавшейся жизни Жадигера, но и к человечеству в целом. Благодаря глубоким размышлениям героя об экологических проблемах, узкая сцена частной жизни, ограниченной в пространстве и во времени, раздвигается до предельно универсальной общечеловеческой сцены с «последними вопросами» бытия и сознания. Исповедальное слово героя о себе слилось со словом о Мире, а его личная жизнь с судьбой мироздания.

В романе С. Жубатырулы «Абыржы» также центральное место занимает образ высыхающего Арала. По замыслу автора роман «Абыржы» отражает экологическую ситуацию на Арале через судьбу главного героя Медета Жармекенова. Не случайно Жубатырулы уточняет жанровую особенность произведения формулировкой «Повествование об одной судьбе» («Бір тағдырдың баяны»). Гидролог Медет Жармекенов вырос в рыбацком ауле Боген. Работая в одном из крупных научных центров столицы, он выполняет трудное и ответственное задание: разрабатывает проект осушения Арала. Далее он проводит несколько лет за границей. Вернувшись на родину (в начале 90-х годов), застаёт полный беспорядок: рухнула мощная держава, закрылось родное учреждение, уехал Наставник. Медет покидает столицу и возвращается в родной Боген. Такова чисто внешняя событийная сторона биографии героя.

Мир романа Жубатырулы объединяет реальный (эмпирический) мир, в котором изображены жители приаральского села Боген, и мир сознания Медета Жармекенова. Медет в полусонном, бредовом состоянии ведёт диалог с иллюзорными спутниками Свистящим Шёпотом, Чертовским Вопросом и Свирепыми Волнами. Воображаемые собеседники в бесовском разгуле досаждают герою своими злыми насмешками: «Ирония судьбы! Дело в том, что слишком затянулся бессмысленный финал твоей жизни. Этому пустому существованию давно пора поставить точку! Но ты ... мечешься, цепляешься зачем-то...» [4, с.8]. Медет в бессилии перед этими абстрактными тёмными силами иступлённо кричит: «Ну, разорвите же меня на куски! Насытьтесь же кровью и злым духом моим!» [4, с.8].

С целью характеристики сложных мыслительных процессов в сознании героя и полноты отражения его духовного мира автор вводит в текст романа многочисленные реминисценции.

Работа мысли Медета активизирует его художественную память. Например, в произведении часты переключки с романом Сервантеса «Дон Кихот». Первая книга «Абыржы» называется «Повелитель острова Баратария». В тексте романа встречаются явные (в форме цитат из оригинала) и неявные (подтекстовые) отсылки к произведению Сервантеса. Очевидно, образ Дон Кихота, ставший нарицательным, усугубляет драму личности героя.

Многочисленные воспоминания, переживания, субъективные впечатления, ощущения, ассоциации Медета связаны с трагедией Арала. Сознание героя, равнодушное к событиям внешнего мира, остро реагирует на рассуждения окружающих об участии моря. Медет воспринимает земляков через их отношение к Аралу. Он мысленно проводит «парад» местных жителей. Старейшина Богена Абралы называет себя почитателем (шыракшы) памяти «покойного моря». Чудаковатый Кулжумыр взывает к богу о спасении Арала-отца. Молодой школьный учитель Суиндык одержим мыслями о судьбе моря: «Рядом с нами пребывает в состоянии клинической смерти старый отец-Арал. На устах его детей – лозунги, на лицах – смех» [4, с.318]. По мнению парня, трагедия Арала – это знак судьбы. Страшно то, что наряду с морем отмирают в людях духовные начала. Горячие выступления Суиндыка приводят Медета в замешательство и приносят ему как физические (необъяснимое болезненное ощущение в груди), так и духовные страдания.

Медет перебирает в памяти встречи с Наставником. Тот постоянно называл его «сыном Моря». Сам герой когда-то считал себя стоическим патриотом Арала. Воду он олицетворял с поэзией. Его отношение к воде опиралось на божьи законы. Медет вспоминает, как перед отъездом на учёбу скупой на советы и немногословный по натуре отец сказал ему, что будущее людей окажется в руках у специалистов водной отрасли. И стал Медет Жармекенов гидрологом. Наверное, уже тогда его отец, старый рыбак, тревожась за судьбу Арала, хотел, чтобы сын внёс свою лепту в дело спасения моря. Однако всё вышло наоборот. Директор научно-го центра внушил «сыну Моря», что он призван выполнить великую миссию: «Арал должен умереть красиво во имя будущего братских народов и всего человечества» [4, с.74]. Слепо следуя советам Наставника, молодой, неопытный парень совершил страшное зло.

Медет с каким-то чувством смутного страха вспоминает свой сон. В день завершения проекта по осушению Арала приснилось ему, что он в роли палача задушил в тюремной камере родного отца. Последний вопросительный взгляд ничего не подозревающего родителя чётко зафиксировался в памяти Медета. Пророческий сон оказался символичным. «Сын моря» Медет-Жармекенов убил своего отца Арала. Не случайно прорицательница Афрiza у постели больного Медета в ужасе восклицает: «Да это же отцеубийца! О, бедолага! Над твоей ангельской душой надругался злой сатана!» [4, с.349-350]. Этот эпизод вводит в текст романа тему нравственного преступления.

Являясь духовным и композиционным «центром» романа, Медет Жармекенов по замыслу автора должен пройти через мучительную исповедь и «перетащить» на себе все воспоминания, чтобы понять масштаб своего преступления. Герой осознаёт, что затянувшийся финал бессмысленного существования – это страшное нравственное наказание. Он дважды пытается покончить с собой. Медет стремится оправдаться перед собой в совершённом преступлении. Он убеждает себя в том, что беда его в слепой вере Наставнику. Он неоднократно сравнивает себя со своей любимой собакой Жаугашап, которую погубила вера в людей. Как-то аульные охотники устроили мнимые собачьи гонки для того, чтобы заколоть обессилевшего пса. Ребёнок Медет с болью и жалостью смотрел на Жаугашапа, который бежал подбадриваемый окриками ложных болельщиков.

Безусловно, Медет Жармекенов – трагический герой. Драма его судьбы тесно связана с катастрофой Арала. Одинаковы участи моря и Медета. Образ Арала, персонифицированного в романе («Арал-отец», «Арал-старец», «Арал-покойник»), имеет определённое сходство с образом человека-трупа Медета Жармекенова. Они оба – жертвы людской корысти и лжи. Оба (согласно авторской концепции) не имеют будущего и доживают финальный этап существования. Можно провести параллель между высыхающим морем, которое когда-то было полноводным, и живущим в своём иллюзорном мире нелюдимым Медетом, который когда-то был научным сотрудником, полным светлых идей.

С. Жубатырулы также, как и А. Нурпеисов, раскрывает трагедию Арала через драму отдельной личности. Экологическая катастрофа прослеживается в романе «Абыржы» в масшта-

бе «потока сознания» героя. Писатель исследует проблему высыхания Арала не столько в линейном, а сколько в вертикальном плане. Глу-

бинные мыслительные процессы в сознании и подсознании героя связаны с темой смерти «Арала-отца».

Литература

- 1 Анастасьев Н. Под знаком вечности. //Нурпеисов А. Последний долг. Роман. – М.: РИК «Культура», 2002. – С.373-382.
- 2 Нурпеисов А. Последний долг: Роман. – М.: РИК «Культура», 2002. – 384 с.
- 3 Нурпеисов А. Экология души. // Нурпеисов А. Возвышая наши святые: Статьи, очерки, эссе / Сост. Г. Бельгер. – Алматы: Онер, 1996. – С.324-330.
- 4 Жубатырулы С. Абыржы: Роман. – Қызылорда: Тұмар, 2000. – 448 б.

References

- 1 Anastaciev N. Pod znakom vechnosti.//Nurpeisov A. Posledni dolg. Roman. – M.: RIK «Kultura», 2002. – S. 373 – 382.
- 2 Nurpeisov A. Posledni dolg. Roman. – M.: RIK «Kultura», 2002. – 384 s.
- 3 Nurpeisov A. Ekologia dushi.//Nurpeisov A. Vozvushaya nashi svatyni: Stati, ocherki, esse/ Sost. G.Belger. – Akmaty: Oner, 1996. – S. 324 – 330.
- 4 Zhubatyruly S. Abyrzhy: Roman. – Kyzylorda: Tumar, 2000. – 448 b.